

Р. П. ДМИТРИЕВА

Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии

Во всех исследованиях Повести о Тверском Отроче монастыре, начиная с Н. М. Карамзина, отмечается, что автор произведения пренебрежительно относится к историческим фактам. Вслед за Карамзиным, охарактеризовавшим повесть как баснословную,¹ неизвестный автор статьи в «Тверских губернских ведомостях» отметил, что повесть «не имеет никакого исторического достоинства». Он привел примеры отступлений от летописных данных и грубые нарушения хронологии.² Наиболее наглядной ошибкой в хронологии является упоминание о том, что при князе Ярославе Ярославиче в монастыре был выстроен придел в честь митрополита Петра: Петр жил в XIV в., а князь Ярослав Ярославич умер в 1271 г.

В последних исследованиях произведения также подчеркивается, что главное внимание автора сосредоточено на литературном замысле и что «с историческими фактами он обращался весьма произвольно».³

Однако автор рассказывает историю создания монастыря и свою тему он осознает как историческую. Это подчеркнуто тем, что начинается рассказ с упоминания конкретной даты основания монастыря: «Лета мироздания 6773 составлен бысть Отрочь монастырь тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тверского».⁴ Этой же цели, видимо, служит сообщение в конце повести об охранный грамоте, данной монастырю тверскими великими князьями; среди этих князей первым назван Василий Михайлович (ум. в 1368 г.), а последним — Михаил Васильевич (должен быть Борисович, княжил с 1461 по 1486 г.).⁵ Из сказанного следует, что автор повести внимателен к историческим сторонам своего повествования. Поэтому правомерно остановиться на вопросе об отношении автора к передаваемому им сюжету как исторически достоверному, выяснить принципы подбора в повести исторических деталей и попытаться объяснить, чем обусловлены исторические неточности и ошибки.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1892, прим. 118.

² Тверские губернские ведомости, 1865, № 38, Неофиц. часть, стр. 211—213.

³ С. К. Шамбинаго. Повесть о Тверском Отроче монастыре. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 252. Ср.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1958, стр. 348.

⁴ Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Составил Н. К. Гудзий. Изд. 5-е. М., 1952, стр. 441. Далее цитаты из текста даются по этому изданию.

⁵ В. Ржигала. Из истории повести. — Известия Тверского педагогического института, вып. IV, Тверь, 1928, стр. 103.

Проследив на протяжении всей повести упоминания фактических сведений, можно убедиться, что автор не пренебрегает фактами, а, наоборот, стремится придать историзм и достоверность всему рассказу, хотя в основном внимание его сосредоточено на душевной драме юноши Григория и его взаимоотношениях с окружающими людьми. Ошибки появились в повести не в результате невнимания автора к историческим фактам, а из-за отсутствия у него под руками точных документов. За исключением единственного случая автор, по всей видимости, не пользовался письменными источниками. Исключение составляет обозначение в произведении даты основания монастыря. Эта дата настолько близка году второй женитьбы князя Ярослава Ярославича, что дает основание думать о влиянии каких-то летописных данных. В начале повести говорится, что монастырь был основан через три года после женитьбы Ярослава Ярославича на Ксении. По данным летописей, Ярослав Ярославич второй раз женился в 1263 или 1264 г.⁶ В повести создание монастыря отнесено к 1265 г.; следовательно, описываемые в ней события должны были происходить в 1262 г., т. е. почти совпадают с реальной датой женитьбы Ярослава Ярославича.

Историко-архитектурные и топографические детали, упоминаемые в повести, скорее говорят о том, что повесть писал человек, хорошо знакомый с Тверью и ее окрестностями XVII столетия,⁷ а не о том, что в ней использованы какие-то письменные или документальные данные. Как убедимся ниже, автор повести для своего рассказа старался отобрать те историко-архитектурные детали, которые, по его мнению, уже были в Твери XIII в. И в отборе этих деталей он допускал ошибки, так как основывался на памяти своих современников, а не на документах.

Отметим одну принципиально важную сторону в отборе исторического материала для повести. Стремление автора к исторической достоверности в ходе изложения самой повести служит не политическим или историческим задачам, а подчинено художественным целям произведения. Историко-архитектурные и топографические названия включены в повесть только для того, чтобы дать конкретно-осязаемый реальный фон в передаче драматических событий повести; они являются одним из подсобных средств художника и никак не влияют на развитие сюжета. Сосредоточив внимание на переживаниях влюбленного юноши, автор рассказ об этом ведет как о событии, происходившем в конкретных историко-бытовых условиях. События приурочены к определенным географическим пунктам и к определенному историческому времени. Для того чтобы читатель в это поверил, в повести упоминаются конкретные топографические названия в окрестностях Твери и архитектурные постройки, которые, как считал автор, существовали уже в XIII столетии.

Рассказывая об Отроче монастыре, автор упоминает о том, что сначала в нем была выстроена деревянная церковь в честь Успения Богородицы, затем, через несколько лет после смерти отрока, великий князь Ярослав Ярославич «изволи в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея успения с приделом Петра митрополита, московского чудотворца». В Отроче монастыре в XVII в. действительно был каменный собор Успения Богоматери. В начале XVIII в. за ветхостью он был разобран и на его месте вновь была отстро-

⁶ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1856, стр. 164; т. XXVIII, М.—Л., 1963, стр. 58.

⁷ На это обратил внимание В. Ф. Ржига, см.: В. Ржига. Из истории повести, стр. 110.

ена церковь в честь Успения Богоматери.⁸ Не случайным является и упоминание в повести имени Петра митрополита. Правда, письменные источники говорят не о приделе, а о церкви Петра митрополита, которая была выстроена в XVI в. и имела два престола — во имя Петра митрополита и Филиппа митрополита.⁹ Переписная книга 1625—1626 гг. упоминает и эту церковь, и храм во имя Успения Богоматери.¹⁰ В конце XVII в. церковь, посвященная Петру митрополиту, была заново отстроена.¹¹

В повести рассказывается о том, что жители Твери торжественно встречают прибывшую на судах по Волге княгиню «на брезу у церкви архангела Михаила». Имеется в виду Михайло-Архангельский монастырь, известный с начала XIV в.¹² и упраздненный к концу XVII в.¹³ Он стоял на берегу Волги в Загородском посаде, на значительном расстоянии от кремля, в котором находилась княжеская резиденция. Торжественные встречи прибывающих по реке именно в этом месте, видимо, были традиционными. Эту подробность наш автор мог включить в свою повесть как возможную и в XIII в., так как знал исторические примеры торжественных встреч, происходивших именно в указанном месте. Об этом говорится в житиях Михаила Ярославича и Александра Михайловича.¹⁴

В Повести о Тверском Отроче монастыре дважды упомянут княжеский двор: бояре, встретившие княгиню при въезде в кремль, проводили ее на «двор великого князя»; князь принимает отрока в верхних палатах («князь же повеле ввести его в верхния полаты»). Каменные дворцовые палаты были выстроены в тверском кремле в конце XIV в., при князе Михаиле Александровиче. В конце XVI в. палаты еще были целы. После пожара в кремле в 1626 г. от этих палат остались лишь руины. В конце XVII в. еще помнили о существовавших когда-то княжеских палатах. В писцовой книге 1685—1686 гг. говорится: «Да позади тех дворов, против соборной церкви, место пусто, что бывал двор и палаты великих князей...».¹⁵ Великокняжеские палаты были высокими и, как предполагает Н. Н. Воронин, двухэтажные.¹⁶ Это предположение подтверждает рассматриваемая повесть, упоминая «верхния полаты».

Так же конкретны и достоверны упоминания в повести топографических названий. Говоря о том, что в село Едимоново великий князь решил прибыть на следующий день после отрока и поэтому заночевал на лове, автор замечает: «Бяше бо село то от града Твери четыредесять поприщ». Действительно, село Едимоново находится в 40 верстах от Твери на левом берегу Волги.¹⁷ О том месте, где Григорий сначала хотел основать монастырь, в повести сказано: «Той отрок прииде на реку, зовомую Тверцу, от града Твери пять на десять поприщ, на место боровое». В рукописи

⁸ В. Владиславлев. Краткие исторические сведения о монастырях и более значительных церквях города Твери. — В кн.: Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г. Тверь, 1863, стр. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке. Исторический и археологический путеводитель по городу Твери. Тверь, 1889, стр. 83.

¹¹ См.: М. В. Рубцов. Тверь в 1674 году по Пальмквисту. Тверь, 1902, стр. 44.

¹² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. XIII—XV столетия. М., 1962, стр. 397.

¹³ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке, стр. 59.

¹⁴ О встрече в Твери тела Михаила Ярославича говорится в летописи под 1320 г.: «сретоша его у Архангела Михаила на брезу...» (ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 187).

¹⁵ Н. Н. Овсянников. Тверь в XVII веке, стр. 26.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. стр. 391, 395.

¹⁷ В. И. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии, т. I. Тверь, 1879, стр. 31.

XVIII в. ГИМ, собр. Музейское, № 2563 на полях против процитированной фразы приписано: «Ныне село, именуемое Бор». На самом деле, в 15 верстах от Твери, на левом берегу Тверцы, находится село Пречистый Бор.¹⁸ Вероятнее всего, автор повести для усложнения сюжета, описывая скитания юноши в лесу, ввел этот эпизод, приурочив его для убедительности к конкретному топографическому месту.

Таким образом, включение в повесть перечисленных историко-архитектурных и топографических подробностей проведено по одному и тому же принципу и преследует одну и ту же цель — дать конкретную обстановку, в которой происходят описываемые события. Эта черта рассматриваемого произведения наглядно видна при сравнении его с памятниками того же времени — повестями о Москве, в которых широко использованы исторические и историко-топографические материалы.¹⁹ В цикле этих повестей наблюдается иной принцип отбора исторических деталей.

В Повести о начале Москвы и в Сказании об убиении Даниила Суздальского использованы летописные материалы; следовательно, реалии в них взяты из исторических документов. Кроме того, надо отметить, что, в отличие от Повести о Тверском Отроче монастыре, в этих повестях данные, заимствованные из летописей, занимают значительное место в построении сюжета произведений. Автор Сказания о зачатии Москвы и Крутицкой епископии, как доказывает М. А. Салмина,²⁰ не привлекал какие-либо документы и источники раннего времени, повесть построена на вымысле. Однако назначение исторических деталей в ней принципиально отличается от использования исторических деталей в Повести о Тверском Отроче монастыре. В Сказании исторические детали являются одним из важнейших элементов сюжета произведения, они служат доказательством основной политической идеи памятника: Крутицкая епархия была основана не на окраине, а около самой Москвы, при участии и содействии великого князя. В Повести же о Тверском Отроче монастыре историко-топографические упоминания служат как одно из средств художественного изображения.

В заключение следует отметить, что упоминания в Повести о Тверском Отроче монастыре архитектурных памятников служит подтверждением датировки повести не позже второй половины XVII в. Большинство названных архитектурных построек было перестроено или разрушено в XVII в. Так, церковь, посвященная Петру митрополиту, в XVII в. была перестроена заново, Михайло-Архангельский монастырь был упразднен в конце XVII в., от каменных великокняжеских палат в XVII в. осталась только часть погребов.

¹⁸ В. Р ж и г а. Из истории повести, стр. 110.

¹⁹ См.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964.

²⁰ Там же, стр. 154—166.